

Лекарство, которое Лун Сяовань принесла ему, было приготовлено Шэнь Нином? Оно обладало удивительным эффектом: уже на следующий день его разорванная плоть начала заживать. Прошло всего четыре дня, и раны на его спине уже затянулись, оставив лишь розовые следы. Ещё через три дня он полностью выздоровеет.

Создать такое лекарство мог только один человек.

Лун Сяовань, заметив, что Лун Цзиннянь задумался, потянула его за рукав:

— Третий брат, о чём ты думаешь?

Лун Цзиннянь очнулся и покачал головой:

— Ни о чём.

— Посмотри, это пирожные, которые я и А Цю принесли тебе, — Лун Сяовань показала ему упаковку с пирожными.

— Спасибо, моя принцесса Сяовань.

Затем Лун Цзиннянь улыбнулся Тан Цю:

— И тебе спасибо, Тан Цю.

— Сяовань, ты можешь отнести пирожные Хань Иню в задний двор?

— Конечно, — согласилась Лун Сяовань, затем повернулась к Тан Цю:

— А Цю, я скоро вернусь.

— Хорошо.

Как только Лун Сяовань исчезла из виду, Тан Цю сразу же спросила:

— Ты её отослал, потому что хочешь поговорить со мной?

— Естественно, — Лун Цзиннянь посмотрел на Тан Цю, его лицо по-прежнему было спокойным, но улыбка не доходила до глаз:

— Ты любишь Сяовань?

Взгляд Тан Цю на Лун Сяовань был горячим, с оттенком собственничества. Такое выражение он и сам когда-то носил, поэтому сразу понял, что Тан Цю испытывает чувства к Лун Сяовань.

— Да, — кивнула Тан Цю.

Она и не собиралась скрывать это от Лун Цзинняня. К тому же Лун Цзиннянь был скрытной змеей, и скрыть что-то от него было невозможно. Лучше честно признаться.

— Почему? — спросил он. Если он не ошибается, Лун Сяовань редко покидала дворец, а Тан Цю была доверенным лицом Чу Е, так что они вряд ли могли пересекаться.

Никакие чувства не возникают просто так: либо есть цель, либо выгода.

Но все знали, что Лун Сяовань не пользовалась благосклонностью. Получить какую-то выгоду

от неё было невозможно.

Второй вариант исключался, значит, оставалась цель.

Тан Цзю была женщиной. Какая цель могла быть у неё в любви к Лун Сяовань? Он не мог понять.

Почему? Тан Цзю задумалась. Наверное, потому что Лун Сяовань была милой, но, возможно, и не только.

Тан Цзю долго молчала, и Лун Цзиннянь нахмурился. Его холодный голос приобрёл предостерегающий оттенок:

— Если ты причинишь Сяовань боль, ты должна понимать, что я смогу противостоять вашей резиденции князя-регента.

Лун Цзиннянь прекрасно знал, чем грозит противостояние с резиденцией князя-регента, но Лун Сяовань была для него важна. Если она пострадает, он не станет думать о последствиях.

Что? Тан Цзю застыла. Она причинит Лун Сяовань боль? Она готова была спрятать Лун Сяовань в своём сердце, чтобы никто не мог её увидеть или прикоснуться к ней. Как она могла причинить ей боль?

— Князь И, не беспокойся, я никогда не причиню вреда этой девчонке, — Тан Цзю уверенно постучала себя в грудь.

— Слова ничего не стоят, — холодно сказал Лун Цзиннянь.

Такие пустые обещания никто не воспримет всерьёз.

Тан Цзю поняла это. Она задумалась, а затем добавила:

— Ладно, если я причиню вред девчонке, я приду к тебе с моим огромным мечом и не стану сопротивляться. Ты сможешь меня убить, хорошо? — Тан Цзю поклялась, подняв руку к небу.

Лун Цзиннянь внимательно смотрел на Тан Цзю, но не увидел в её глазах ни капли обмана или шуток.

Наконец, он вздохнул, убрав холод из своих глаз:

— Надеюсь, ты сдержишь своё слово.

Она была вторым стражником резиденции князя-регента. Если бы она не сдержала слово, разве она была бы достойна служить князю?

— Не волнуйся, люди из резиденции князя-регента всегда держат слово.

Честно говоря, он не одобрял отношения Лун Сяовань с женщиной, тем более с Тан Цзю, которая была из резиденции князя-регента. Но в конечном итоге всё зависело от желания Лун Сяовань. Главное, чтобы она была счастлива.

Как только Лун Цзиннянь и Тан Цзю закончили разговор, Лун Сяовань вернулась. Она подпрыгнула к ним:

— О чём вы говорили?

Все знали, что королевская семья и резиденция князя-регента были врагами. Уходя, она боялась, что они начнут спорить, но, похоже, всё прошло мирно.

— Мы говорили о том, что ты, девчонка, совсем не даёшь покоя, — Лун Цзиннянь погладил Лун Сяовань по голове с улыбкой.

Рискуя так сильно, она дважды сюда пробралась. Если бы её поймала императорская гвардия, отец бы разгневался и наказал её.

Услышав слова Лун Цзинняня, Тан Цзю тоже поддержала:

— Да, она действительно не даёт покоя.

Особенно когда Лун Сяовань пьяна. Она не только не даёт покоя, но и причиняет боль, потому что, когда она пьяна, она начинает щипать и дёргать за волосы. Это действительно невыносимо.

Лун Сяовань тут же нахмурилась. Она отошла всего на минуту, а они уже стали такими дружными? И оба нападают на неё?

Нет, это не главное. Главное, что они сказали, что она не даёт покоя? Правда?

— Уже поздно, вам пора возвращаться, чтобы вас не обнаружили, — Лун Цзиннянь взглянул на небо и напомнил.

Время их встречи было слишком коротким, и, как бы Лун Сяовань ни хотела остаться, ей пришлось уйти. Если бы их обнаружили, у третьего брата были бы проблемы.

— Хорошо... отец, должно быть, скоро снимет императорскую гвардию, и тогда я снова приду к тебе, третий брат.

— Хорошо, третий брат будет ждать тебя, — мягко сказал Лун Цзиннянь.

Тан Цзю увела Лун Сяовань, и в заднем дворе воцарилась тишина. Мягкое выражение лица Лун Цзинняня сменилось холодным. Он смотрел в небо, о чём-то размышляя.

Спустя долгое время Лун Цзиннянь отвёл взгляд и ушёл.

— Дорогая~

Чу Е, держа в руках миску сладкой каши, осторожно вошёл в комнату. Увидев, что Шэнь Нин всё ещё спит, он решил поставить кашу в сторону и подождать, пока тот проснётся.

— Ммм... куда ты ходил? — Шэнь Нин потер глаза и невнятно спросил.

Чу Е замер, увидев, что Шэнь Нин пытается сесть, и тут же подбежал к нему, осторожно поддерживая его:

— Прости, я разбудил тебя своим шумом.

— Нет, я просто проголодался и проснулся, — Шэнь Нин покраснел, смущённо сказал.

Он плотно поел в полдень, но, поспав, снова почувствовал голод. Прошло меньше двух часов.

— Я, кажется, как свинья: много ем и долго сплю, — Шэнь Нин пошутил над собой.

Чу Е усмехнулся, его глаза сверкнули с лёгкой долей зла. Его низкий, соблазнительный голос прозвучал:

— Дорогая, ты вчера всю ночь усердно трудилась, помогая мне с тренировками, поэтому сегодня ты много спишь и ешь. Это естественно.

Слова Чу Е мгновенно вызвали в памяти Шэнь Нина вчерашние безумные сцены. Его лицо покраснело, и он в панике схватил одеяло, завернулся в него и превратился в комок.

Чу Е: «.....»

Шэнь Нин, закутанный в одеяло, тяжело дышал, прижимая руку к своему горящему лицу. Внутри он кричал: «Чу Е, ты совсем не стыдишься! Что за слова ты говоришь! Я ничего не понимаю, я ещё ребёнок!»

Если бы Чу Е увидел его таким красным, это было бы слишком стыдно!

Чу Е посмотрел на комок на кровати и не мог не рассмеяться. Он ткнул его пальцем:

— Дорогая, что ты делаешь?

Шэнь Нин дёрнулся в знак протеста и раздражённо сказал:

— Не твоё дело!

— Ты моя жена, как же мне не беспокоиться? Давай, вылезай, а то задохнёшься.

Чу Е потянул за одеяло, но Шэнь Нин только сильнее укутался, свернувшись в крошечный комок. Шэнь Нин был ещё слаб, и если бы он долго оставался в таком состоянии, это могло бы ему навредить.

Сила не помогала, поэтому Чу Е решил действовать мягче. Он сел на край кровати и нежно уговаривал:

— Дорогая, я больше не буду тянуть. Просто немного ослабь одеяло, чтобы ты могла дышать.

Шэнь Нин не шевелился.

— Послушай, дорогая, ты же будешь плохо себя чувствовать, если задохнёшься.

Шэнь Нин всё ещё не двигался.

- Удалены разговорные сокращения ("др.", "т.к.")
- Исправлены стилистические повторы
- Унифицировано оформление внутренних монологов
- Приведены к нормативному виду разговорные конструкции

<http://bllate.org/book/16387/1483937>